

УДК 008:[39:316.752]

Ю.В. Чернявская

ЭТОС И ГАБИТУС КАК ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛОВЫХ СОДЕРЖАНИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И РАЗВИТИЯ

В статье поднимается одна из актуальных проблем современной культурологии – проблема динамики смысловых содержаний этнической культуры, благодаря которой последняя является и сохраняющимся в веках, и изменяющимся целым. По положениям, выдвинутым автором, возможность этого заложена в одновременном действии двух структур – этоса и габитуса культуры. Первый является организующим принципом этнической культуры, а второй представляет собой модель трансляции этоса, а значит, и культуры, на уровень групп и индивидов. Автор выявляет структуру этоса и анализирует процесс его динамики, происходящий благодаря габитусам, запечатленным в образах культуры.

Введение

Проблема, которой посвящена статья, актуальна и теоретически, и практически. В центре внимания современной гуманитарной науки находится вопрос о том, как этническая культура может сохранить своеобразие в глобализирующемся мире, и одновременно о том, какими путями она – без потери самобытности – способна изменяться в соответствии с трансформациями реальности. Мы убеждены, что ответ кроется в структурных механизмах культуры – в соотношении этоса как ее организующего принципа и габитуса как модели ее органичного внутреннего изменения. Эти механизмы, определяющие характер и динамику культурных процессов, необходимо учитывать при создании современных культурных проектов. Если действия их создателей расходятся с этосом культуры и/или имеет место недооценка ее габитуса (габитусов), попытки необходимых инноваций оказываются безуспешными. Лишь если в результате исследований станет возможным прояснение имплицитных представлений, ценностей, смыслов культуры (этос), которые руководят практиками людей и изменяются в соответствии с габитусами, мы сможем прогнозировать негативные и позитивные последствия предлагаемых проектов. Первый шаг к этой цели – формализация концептов «этос» и «габитус» и выявление их связей.

Понимание этоса

Концепт «этос культуры» сложно назвать формализованным: для его исследователей (Р. Бенедикт, Г. Бейтсон, М. Вебер, М. Оссовская и др.) этос служит призмой анализа культур или социокультурных групп, но не самостоятельным предметом рефлексии. Чаще всего этос понимается как:

- 1) нравственный порядок и тип мировоззрения [1, с. 11–13]);
- 2) единство нравов [10, с. 16];
- 3) иерархия ценностей [8, с. 106], которая может быть выведена из поведения людей [12, с. 26];
- 4) эмоциональная составляющая жизни людей [14, с. 75];
- 5) имплицитный принцип культуры [11, с. 56];
- 6) конфигурация внутрикультурных элементов [3, с. 14; 13, с. 126];
- 7) восприятие, свойственное представителям культуры [2, с. 332].

Чаще всего термин «этнос» употребляют в значении совокупности культурных ценностей. Однако это отождествление не вполне корректно: еще М. Оссовская отмечала, что слово «этнос» применимо не к людям, а к группам [12, с. 26]. В то же время ряд аксиологов считает, что месторождение ценностей – в активности личности [9, с. 342].

С нашей точки зрения, *этнос* – *структурообразующий принцип культуры, система связей и взаимокоррекций между представлениями и ценностями, с одной стороны, и воспроизводством их компонентов в повседневных практиках людей – с другой*. Другими словами, этнос – культурно-смысловая модель, опосредующая восприятия и представления в ценностно-практическое русло исходя из принятых в культуре соотношений «возможного – невозможного», «допустимого – недопустимого», «желательного – исключенного».

Функции и характеристики этноса культуры

Из посреднической природы этноса проистекает его *конфигурирующая функция*, задающая согласованность: а) картины мира, представлений и ценностей (а также норм и идеалов), б) ценностей (норм, идеалов) и практик. Можно говорить и о *предписывающей*, или «рецептурной», *функции*, предоставляющей членам социума смысловые программы, которые руководят социокультурными процессами. Значима также *распределительная* функция, преломляющая общекультурные представления и ценностные ориентации через призму целей, интересов и практик групп (гендерных, профессиональных, возрастных и др.).

Как принцип, определяющий соотношение стабильных компонентов культуры, этнос – повседневный феномен, обладает рядом характеристик, соответствующих этой сфере бытия:

- 1) *априорность*, восприятие общепринятых практик взаимодействия с реальностью как естественных;
- 2) *интерсубъективность* как единство с предшественниками, последователями и современниками [17, с. 117–118] и как возникающее на этой основе общее для этнофоров понимание реальности [4, с. 44];
- 3) *бытовой и трудовой характер*;
- 4) *стабильность*;
- 5) *стереотипический характер*: этнос возникает как следствие типичных ситуаций и стремится подчинить новые ситуации выработанным стереотипам;
- 6) *неразделенность сфер когнитивных и эмоциональных*;
- 7) *доксичность культурного опыта*, возникающего на основе здравого смысла;
- 8) *хронотопизм* как сочетание факторов «здесь» и «сейчас»: отсюда повторяемость как залог стабильности этноса и повседневности в целом;
- 9) *зонирование территории* в зависимости от привычных рутинных действий;
- 10) *упорядоченность*, поддерживаемая языковыми объективациями и в целом знаковыми системами;
- 11) *синкретизм телесного и духовного*;
- 12) *сегментарность*: этнос этнической культуры – конвенциональное поле групповых этносов;
- 13) *запечатленность в языке* как первичной моделирующей системе и во вторичных моделирующих системах (мифе, фольклоре и т. д. как языках культуры).

Структура этноса культуры

Этнос культуры как структуру можно анализировать с точки зрения его «смысловых полей», «культурных тем» и «дискурсивов».

Смысловые поля. Этнос культуры – единство смысловых моделей, которые берут начало в картине мира как в психокультурной матрице бытия общности и человека. Вслед за К. Леви-Строссом, А. Хокартом, А.М. Золотаревым, С.П. Толстовым, В.Вс. Ивановым мы представляем картину мира как единство дуальных пар, порождающих единство представлений, ценностей и практик этноса в качестве отдельных, хоть и пересекающихся, «*смысловых полей*». Так, оппозиция «*Космос – Хаос*» формирует представления о космологии и об общем предке, обеспечившем космический порядок. Культурные смыслы здесь – сплочение общности под патронажем богов и героев, а также ощущение родства этнофоров. Они порождают ценность древнего и почетного происхождения общности. На уровне ритуальных практик им отвечают обряды рождения, инициации и т. д., а на уровне повседневных – нормы, направленные на сохранение порядка.

В связи с оппозицией «*сакральное – профанное*» можно говорить о представлениях о священном и мирском и путях достижения общностью их единства. Культурный смысл здесь – принадлежность человека не только к «миру дольнему», но и к «миру горнему», а ведущие ценности – религиозные. Им отвечают практики культа.

Оппозиция «*свое – чужое*» порождает антитезу «мы – они». Ее смысл – создание культурной дистанции. На этой основе возникает ценность этнической самобытности: ведь пока этнос существует, существуют и отграничительные практики. Практики отграничения от «чужих» и «других» – язык (диалект), обычаи, черты материальной культуры, модели поведения, символы и многое другое.

Представления, вырабатывающиеся в рамках оппозиции «*жизнь – смерть*», – идеи «жизни», «смерти», «загробного мира» и их символично-образные репрезентации. На их фундаменте формируются ценности жизни и «сверхжизни». Утверждению последней служат практики заупокойных культов, погребальных обрядов, дней поминовения.

Оппозиция «*время – пространство*» конкретизирует представления о территории и генезисе этноса. Благодаря их общности, формируется культурный смысл единства судьбы народа, включающий ценности родины и общего прошлого, и соответствующие практики – от обыденных (например, труд во благо Родины) до военных (оборонительных или наступательных).

В свете оппозиции «*мужское – женское*» значима закреплённость за женщиной функции хранительницы домашнего очага, а за мужчиной – обеспечения и защиты [5, с. 321–322], что порождает соответствующие ценности и фиксируется в образцах «маскулинности» и «феминности» (гендеролектах). Сферы мужских и женских практик – трудовой этос; зонирование пространства (внутреннее (домашнее) – женское, внешнее – мужское); распределение обязанностей; воспитание детей.

И, наконец, культурный смысл оппозиции «*добро – зло*» – воспроизводство моральных категорий и ценностей, благодаря которым все практики этнофора, связанные с предшествующими оппозициями, оцениваются с точки зрения общего блага.

Культурные темы. Смысловые поля – основополагающие компоненты этноса культуры любой общности. Этнические же их конкретизации выражены в производных от них культурных темах и дискурсивах. Наиболее важны, на наш взгляд, темы, объединяющие смыслы, присущие сразу нескольким оппозициям картины мира. Такова *тема культурной дистанции*, прослеживаемая в оппозициях «Космос – Хаос», «сакральное – профанное» и «свое – чужое». Другая значимая тема – *предназначение человека в культуре его этноса* не только как исполнителя социальных функций, но и как пункта пересечения сакрального и профанного миров. Идея предназначения тематизирует связи человека и народа с прототипами идентичности – богами, культурными героями (на уровне мифологии), великими деятелями (на уровне истории), предками (на уровне биографии), а также ландшафта, понимаемого как «Родина». В целом эту тему

можно определить как *связь*, на основе которой возникает осознание общности этнофоров. Благодаря ей культура этноса приобретает характер целостности, но не единообразия, поскольку следующей темой является *культурная полисемия* (разность языков и кодов культуры, диктующая ее внутреннее разнообразие). Благодаря ей можно говорить о внутренней динамике культуры, обусловленной многообразием групп, субкультур и личностей. Не менее существенная тема культуры – *соотношение добра и зла* в этическом, религиозном и философском аспектах. Экспликации тем культуры в рефлексии и деятельности этнофоров обеспечивают: а) самобытность культуры; б) предназначение человека в ней; в) сплоченность людей; г) статику и динамику культуры; д) нравственные содержания. Вокруг них выстраивается вся система ценностей и практик представителей общности.

При этом связь тематических линий этоса и группирующихся вокруг них ценностей и практик не является прямой. Мы полагаем, что между ними существует еще одна структура. Переход от культурных тем к ценностям (и далее, к практикам) связан с «последними вопросами бытия», которые каждая культура задает себе в любую эпоху. Назовем их «дискурсивами».

Дискурсивы – точки экзистенциального вопрошания, формулируемые как проблемы, к разрешению которых стремятся представители культуры и ответы на которые формируют этос культуры в исторический период, определяя характер и иерархию фокальных ценностей, их символических выражений и практик. В свете выявленных нами культурных тем можно выделить дискурсивы как проблемы:

- а) границ своего и чужого;
- б) смысла жизни и смерти, их связи и противопоставления;
- в) локуса контроля как атрибуции к внешним (например, высшим) или собственным силам;
- г) отношения к судьбе, свободе;
- д) понимания добра и зла и вытекающих отсюда моделей личного счастья и общественного блага.

Однако возникает вопрос: каким образом компоненты этоса соотносятся с человеком-этнофором, ведь ранее мы подчеркивали: этос – групповой (и общезнаменательный) принцип организации представлений, ценностей и практик? Ответить на него нам поможет концепт габитуса.

Габитус – система воспроизводимых диспозиций (установок, ценностей, схем восприятия и действия), которые структурируются извне (властью, социокультурной ситуацией, языком и т. д.), но вместе с тем структурируют поле культуры «изнутри», со стороны людей [6, с. 23]. Наша гипотеза состоит в том, что габитус как совокупность схем восприятия и оценивания [7, с. 75] есть модель латентной передачи смыслов культуры, тематических линий и дискурсивов, т. е. этоса, от группы (общности) к человеку и наоборот – от человека к группе. В свете этого следует уточнить **функции габитуса** по отношению к этосу. *Первая – функция трансляции этоса с уровня общности (группы) на уровень личности.* Она обеспечивает единство смыслов, тематических линий, дискурсивов как интериоризованной не только сознанием, но и самой телесностью человека (инкорпорированной) этнической реальности. *Вторая функция обеспечивает обратную связь личности и группы (общности),* так как при воспроизведении этнофорами групповой габитус обрастает личными интерпретациями. Тем самым в конечном счете он представляет собой продукт сложения личностных габитусов, гомологичных лишь в некоторой мере.

В связи с этим мы полагаем, что корректно, скорее, говорить не о габитусе в общем и абстрактном смысле, а об отдельных *габитальных структурах* как компонентах различных структур восприятий, оцениваний и практик, выраженных позициями и

диспозициями индивидов (и групп) в этническом пространстве. Итак, *габитальные структуры – конкретные позиции (в производстве, в семье, на досуге; по отношению к «своим» и «чужим» и т. д.) и диспозиции (предрасположенность к определенным реакциям и поведенческим актам), свойственные габитусам отдельных групп и людей как их представителей*. Они реализуются в репрезентации, воспроизводстве и сочетании тем и дискурсивов этоса в определенной ситуации (и в отдельной группе). Так, можно говорить о крестьянской габитальной структуре, благодаря которой передаются: а) ценности крестьянского труда и отдыха; кодексы отношений к «своим» и «чужим»; традиционные гендеролекты; виды капитала (не только экономического, но, главным образом, символического) и т. д.; б) особые диспозиции, задающие модели восприятия и поведения: например, как мы показали в [15, с. 99–124], отношение к чужим в белорусском фольклоре проявляется как диспозиции «крестьянин – пан», «крестьянин – горожанин», «крестьянин – черт», «крестьянин – корчмарь (торговец)», подразумевающие различные практики коммуникации. В то же время представляется неверным выводить габитальные структуры сообразно сферам культуры, поскольку эти структуры неразрывно связаны между собой. Вероятно, причины и в том, что они возникают в архайке, а значит, испытывают влияние мифологического синкретизма; и в том, что реализуются в повседневности как нерасчлененном континууме феноменов (гендерных и возрастных; этнических и социальных и т. д.); и в том, что сопротивляются рефлексии (в этом сказывается функция самосохранения габитуса и этоса как его содержаний). Но, на наш взгляд, есть и более значимая причина. Мы убеждены, что габитальные структуры, как и габитус в целом, столь органично передают этос и незаметно входят в самосознание человека, поскольку в культуре существуют в виде образов, с которыми идентифицируют себя люди и группы. Эти образы и доносят до этнофоров этос в наиболее значимых его чертах.

Следование этосу, представленному габитальным образом (буржуа, рыцаря, клирика, джентльмена, советского человека и др.), дает человеку возможность идентифицировать себя с группой. Сближаясь, эти образы порождают общий габитус, вмещающий все габитальные структуры, – *этнический самообраз представителя культуры* [15, с. 12], благодаря которому разнообразие культуры вписывается в рамки единства, целостности и приобретает человекообразность.

Заключение

На основе нашего анализа можно сделать следующие выводы. Каждая культура есть единство статики и динамики. Ее целостность и преемственность обеспечиваются наличием компонентов, тяготеющих к константности и выполняющих функцию самосохранения. Их принцип организации – этос культуры, который задает единство смысловых полей, культурных тем и дискурсивов. Динамика культуры (способность изменяться без утраты самобытности) обеспечивается этническим габитусом как механизмом трансляции этоса. Он реализуется в многообразии габитальных структур – позиций и диспозиций, свойственным группам и их отдельным представителям. Тем самым осуществляется модель передачи содержаний этоса с общэтнического на групповой и индивидуальный уровни и обратно. При этом габитус обретает групповые и личностные интерпретации, вследствие чего в культуре возникают внутренние инновации (эндоинновации). Однако на уровне общэтнического габитуса возникает обобщенный образ представителя культуры – этнический самообраз, в котором выражается культурный этос. Этот образ находит отражение в текстах культуры и усваивается индивидами в процессе обретения этнокультурной компетентности. Таким образом, в результате анализа можно выдвинуть

положение, что единство этоса и габитуса одновременно является условием и самосохранения, и самовозрастания культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анчел, Е. Этос и история / Е. Анчел. – М. : Мысль, 1988. – 127 с.
2. Бейтсон, Г. Экология разума / Г. Бейтсон. – М. : Смысл, 2000. – 476 с.
3. Бенедикт, Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Р. Бенедикт. – М. : РОССПЭН, 2004. – 359 с.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 322 с.
5. Бест, Д. Гендер и культура / Д. Бест, Дж. Уильямс // Психология и культура / Питер ; под ред. Д. Мацумото. – СПб. : 2003. – С. 316–353.
6. Бурдые, П. Начала / П. Бурдые. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
7. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
8. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 558 с.
9. Губман, Б. Л. Ценности / Б. Л. Губман // Культурология. XX век. Энцикл. : в 2 т. / под ред. С. Я. Левита. – СПб., 1997. – Т. 2. – С. 342–343.
10. Гусейнов, А. А. Глобальный этос как проблема / А. А. Гусейнов // Этос глобального мира / сост. и ред. В. И. Толстых. – М. : «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 14–29.
11. Клакхон, К. Зеркало для человека. Введение в антропологию / К. Клакхон. – СПб. : Евразия, 1998. – 352 с.
12. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали / М. Оссовская. – М. : Прогресс, 1987. – 528 с.
13. Садохин, А. П. Этнология / А. П. Садохин. – М. : Гардарики, 2001. – 254 с.
14. Хонигман, Дж. Понятия / Дж. Хонигман // Личность, культура этнос: современная психологическая антропология / Смысл ; под ред. А. А. Белика. – М. : 2001. – С. 51–79.
15. Чернявская, Ю. В. Белорус: штрихи к автопортрету (этнический самообраз белоруса в сказках) / Ю. В. Чернявская. – Минск : Четыре четверти, 2006. – 244 с.
16. Чернявская, Ю. В. Смена парадигм: национальный характер или социокультурный сценарий развития этноса / Ю. В. Чернявская // Міжкультурны дыялог у Беларусі: нацыянальна-культурнае і духоўнае развіццё ва ўмовах глабалізацыі : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. (Беларусіка –Albaruthenica), Мінск, 10–12 снежня 2003 г. / ННАЦ імя Ф. Скарыны. – Мінск, 2004. – С. 144–147.
17. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

Charniauskaya J.V. Ethos and habitus as forms of the organization and translation of semantic contents of ethnic culture: to a problem of continuity and development

The author researches two important scientific categories - cultural ethos and the habitus. The author analyzes concepts "ethos" and "habitus" as specific characteristics of preservation and dynamics of culture. The author reveals three components of the cultural ethos as the structure - a semantic fields, cultural themes and discoursives. It helps to preserve the culture. Habitus transfers of ethos components from a collective level on an individual level. There are changes of ethnic culture occur in this process.